

Список литературы

1. Болотова Е. Ю. «В единении – сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в. : монография. – Волгоград : Перемена, 2003.
2. Ежегодник МСПО. – 1911. – Вып. 1. – М., 1911.
3. Ежегодник МСПО. – 1912. – Вып. 2. – М., 1912.
4. Ежегодник МСПО. – 1913. – Вып. 3. – М., 1914.
5. Отчет МСПО за 11-й операционный год. – М., 1910.
6. Отчет МСПО за 13-й операционный год (1911). – М., 1912.
7. Отчет МСПО за 15-й операционный год. 1.01.1913 – 1.01.1914. – М., 1914.
8. Отчет о деятельности МСПО за 1916 г. – М., 1917.
9. Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1913 г. – М., 1914.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1284. – Оп. 188. – 1911. – Д. 75. – Л. 1–6 об.
11. Сборник практических указаний для учредителей и руководителей потребительных обществ. – М., 1916.
12. Союз потребителей. – 1903. – № 15.
13. Труды XXIII собрания уполномоченных МСПО. – М., 1912.
14. Хейсин М. Л. История кооперации в России / М. Л. Хейсин. – Л., 1926.
15. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). – Ф. 326. – Оп. 1.

**О НЕКОТОРЫХ ДИСКУССИЯХ
В РАБОТЕ РЕДАКЦИОННЫХ КОМИССИЙ
В 1859–1860 гг. ПО ОТМЕНЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА**

Е.В. Савельева
(Россия, Астрахань)

Статья посвящена одному из ключевых периодов в истории нашей страны – подготовке освобождения крестьян в 1861 г. Этому важнейшему событию предшествовали жаркие споры, в которых участвовали представители различных общественных сил: ученые, экономисты, публицисты. Анализ дискуссий, которые проходили в Редакционных комиссиях в 1859–1860 гг., посвящено это исследование.

The article is devoted to one of the key periods in the history of our country - the preparation of liberation of the serfs in 1861. This major event was preceded by hot disputes where the representatives of various social forces took part: scientists, economists and publicists. The study is devoted to the analysis of the discussions in the work of drafting committees in 1859–1860.

Ключевые слова: редакционная комиссия, крепостное право, социальные мероприятия, советская власть.

Key words: reform, liberalism, economy, conservative, committee, serf.

В пореформенное время в России происходили заметные изменения в социальной структуре общества, наметились новые тенденции, связанные с процессами экономического и социального реформирования, отменой крепостного права, развитием либерализма и конституционализма.

После вступления 19 февраля 1855 г. на российский престол Александра II (1818–1881) во многих слоях российского общества появилась надежда на серьезные перемены. Страна нуждалась в этих переменах, так как в предшествующие реформам годы обнаружилась полная несостоятельность внутренней и внешней политики самодержавия. К середине XIX в. для правящих кругов и всех передовых людей русского общества стал очевиден тот факт, что государство остро нуждается в проведении промышленной революции и в просвещении народа, а также в формировании политической и правовой системы. Россия приблизилась к тому рубежу, когда вопрос об экономических и социальных реформах встал на повестку дня. К этому подвело как развитие событий в Западной Европе, так и общественное движение в самой России. Новый император сумел оправдать возлагавшиеся на него надежды. Он решился на перемены, так как под влиянием общественного мнения и либерального окружения осознал опасность, угрожающую России. «Если бы правительство после Крымской войны и пожелало возвратиться к традициям последних времен, то

оно встретило бы непреодолимые препятствия если не в открытом, то, по крайней мере, в пассивном противодействии, которое со временем могло бы даже поколебать преданность народа, – широкое основание, на котором зиждется в России монархическое начало», – говорилось в докладе министра финансов М.Х. Рейтерна Александру II [9, с. 298].

Александр II встал на точку зрения государственной необходимости, требовавшей реформ, и начал искать новые решения и новых людей. Внутриполитические задачи, стоящие перед Россией, были обозначены императором в Манифесте об окончании Крымской войны [12, с. 132].

Под влиянием М.А. Корфа Александр II пошел на отмену николаевского цензурного указа [5, с. 7–8]. К коронационным торжествам была объявлена амнистия политическим заключенным [16, с. 3–4]. В принятии политических решений осуществился переход от секретности к гласности. С помощью реформ правительство сделало очередную попытку модернизировать весь уклад жизни. Преобразования охватили три основные сферы – социально-экономическую, политическую и культурно-образовательную.

В Европе крепостное право и самодержавие почти везде отсутствовало. Большинство европейских государств стали конституционными. К 1861 г. Россия оставалась единственной великой державой, где в полной силе сохранялось крепостное право для большинства населения страны. К середине XIX в. все население России было закрепощено, причем в большинстве случаев на двух или трех уровнях: духовенство – государством и епископами, посадские – государством и посадской общиной, государственные крестьяне – казной и сельской общиной, помещичьи крестьяне – казной, сельской общиной и помещиком, дворянство – государством. Крепостное право охватывало все общество снизу доверху, оно пронизывало все государственные институты: «вся жизнь, все человеческие отношения были проникнуты крепостью, все было чему-нибудь крепко». Крепостное право было не просто одним из институтов русского государства, оно, особенно до 1860-х гг., являлось средой, в которой проходила жизнь каждого члена общества. Крепостничество сдерживало развитие городов, буржуазии, частной собственности, личных и политических свобод, оно затрудняло социальные перемещения и переселения, развращало общественную психологию народа. Крепостное право использовалось государством как средство для решения насущных проблем: оборонных, финансовых, поддержания общественного порядка и т.д. Поэтому реформы 1860-х гг. нанесли самый сильный удар по крепостничеству.

В середине XIX в. нерешенность крестьянского вопроса являлась фактором дестабилизирующим социальную и экономическую обстановку в стране, что не было секретом ни для правительства, ни для общественности. В тот период широко распространение получили труды Ж. Сисмонди и Дж. С. Милля, в которых призывалось к превращению крестьян в земледельцев-собственников. Среди русских экономистов и политиков так же были сторонники частного землевладения, считавшие право полного распоряжения землей реализацией принципа свободы предпринимательства. В этом смысле интерес представляют общественно-экономические проекты Н.Х. Бунге, государственного деятеля, оказавшего колоссальное влияние на социальную политику России второй половины XIX в.

Бунге соглашался с Миллем, что собственность «пробуждает необыкновенную энергию в производительных силах, развивает в земледельце деятельность воли и ума, заставляет желать образования и делает образование плодотворным», «пробуждает в человеке дух бережливости, предусмотрительности» [1, с. 142]. В университете Бунге любил цитировать студентам слова английского агронома А. Юнга: «Дайте человеку в прочное владение голую скалу – он превратит ее в сад, дайте ему по девятилетнему контракту сад – он обратит его в пустыню». По воспоминаниям П.Л. Семенова, Николай Христианович исходил не только из «чистой теории», но и из личного опыта. Он хорошо знал выгоды хуторского хозяйства малороссийских казаков [17, с. 188]. Кроме экономических преимуществ частного землевладения, Бунге ука-

зывал также на «нравственное значение поземельной собственности и ее влияние на охранение законности, спокойствия и порядка в государстве» [1, с. 230]. Таким образом, на рубеже 1850–1860-х гг. социальная политика российского государства по отношению к крестьянам оказалась тесно связана с экономическим вопросом собственности на землю.

В сословии крестьян-земледельцев правительство стремилось обрести свой «консервативный оплот». Вместе с тем далеко не все были апологетами крестьянского хозяйства, указывая на целесообразность и других форм земледелия. «Не должно забывать – писал Бунге, – что не одна крестьянская собственность создает цветущее земледелие и благоденствующий земледельческий класс – для этого необходимы и различные размеры поземельной собственности, и значительная степень развития народного богатства, и благоустроенное экономическое положение страны». По его мнению, большие и средние хозяйства «служат главными проводниками земледельческих улучшений» – внедряют агрономические нововведения, широко используют технику и удобрения, создают запасы продовольствия и т.п. Поэтому «совместное существование различных размеров поземельной собственности представляет неоспоримые выгоды» [1, с. 170, 230].

В данном случае принимались во внимание особенности аграрного строя России, исторически сложившиеся здесь тесные патриархальные связи между помещичьим и крестьянским хозяйствами. «Положения» 19 февраля 1861 г. предусматривали в перспективе сосуществование и развитие как крупного, так и мелкого землевладения с большим преимуществом для первого [10, с. 178, 233].

Несмотря на цензурные запреты, русская экономическая мысль первой половины XIX в. была пронизана критикой крепостничества и размышлениями о путях освобождения крестьян. Общественно-политические деятели России внимательно следили за аграрными преобразованиями в Пруссии, Австрии и других европейских странах, проведенными на рубеже 40–50-х гг. XIX в. под давлением революционных событий. Например, Н.Х. Бунге тщательно собирал и изучал западную литературу, посвященную крестьянскому вопросу [10, с. 235]. В своей публицистике второй половины 50-х гг. XIX в. он подробно остановился на важнейших задачах предстоящей отмены крепостного права. Правительство руководствовалось либеральной программой реформы, разработанной участниками петербургского кружка. Записки К.Д. Кавелина (1855 г.), Н.А. Милютин (1856 г.) и Д.А. Милютин (1856 г.) содержали конкретные проекты преобразований. Их объединяла общая идея освобождения крестьян с землей за выкуп [10, с. 36].

Этот главный тезис либеральной программы должен был получить теоретическое обоснование. Существовавшие в середине столетия проекты отвергали «остзейский» вариант реформы, предусматривавший безземельное освобождение крестьян, и доказывали необходимость соблюдения коренных интересов как помещиков, так и крепостных. Далеко не все были согласны с теорией ренты Д. Рикардо, который объявил земельную собственность монополией, а получаемый с нее доход – даром природы, присвоенным человеком. В правительстве считали, что, принимая эту точку зрения, социалисты могут сделать вывод: если рента является даром природы, то землевладелец не имеет исключительного права на доход с земли, а если она представляет собой продукт труда, то должна принадлежать только работнику-земледельцу. Более приемлемым был признан взгляд на земельную собственность как на одну из форм капитала. Земельная же рента рассматривалась как разновидность процента на вложенный капитал [3, с. 39–40]. С точки зрения Н.Х. Бунге, даже земельный участок, приобретенный в средние века путем завоевания, со временем, по мере затрат труда и средств при его эксплуатации, превращался в «законное» владение [2, с. 687–688]. Поэтому новая концепция «отнимала оружие у социализма» и придавала «юридический смысл» отмене крепостного права в Европе. «Если поземельная собственность составляет форму капитализации, в которой участвовали и владелец, и его крепостной, – писал Н.Х. Бунге, – то, очевидно, что есть основание для надела землей, и самая реформа предписывается не одними требованиями благора-

зумной политики, заботящейся об удалении причины волнений в будущем, но необходимостью экономического и нравственного сознания нашего века». Он спешил успокоить помещиков, встревоженных перспективой утраты части земельных угодий, дешевой рабочей силы и разрывом патриархальных связей, чреватых угрозой крестьянских волнений. «Нет! – утверждал Н.Х. Бунге. – Это мера общественной безопасности, которая спасает государство от возможности появления Пугачевых. Нет! Дело идет не об ослаблении нравственных уз, которых не бывает при тягостной зависимости, а о приготовлении условий для их образования. Нет! Предстоящее преобразование ведет не к нарушению права, не к насильственной экспроприации прежнего владельца, но к восстановлению собственности труда» [3, с. 40–41].

В силу государственной потребности в модернизации и более глубоком усвоении европейских культурных, политических и социально-экономических стандартов, а также под воздействием требований прогрессивной общественности и самого крестьянства, верховная власть нанесла решительный удар по всему институту крепостничества. Наибольшее значение для смягчения и отмены крепостного права имели требования предоставления свободы со стороны всех сословий, утверждение частной собственности, влияние европейских порядков, а также объективные политические, военные, экономические и культурные потребности общества и государства. Один из главных правительственных деятелей, осуществлявших отмену крепостного права, Н.А. Милютин считал, что крепостнические отношения стали «невыгодны для успехов народного хозяйства, вредны для упрочнения народной нравственности и не совместимы с благоустройством государственным». И хотя крепостное право в результате было упразднено сверху, однако, его падение стало делом всего русского общества. Импульсы к смягчению и отмене крепостного права, как правило, исходили от самого закрепощенного населения. Все – от крестьянства до дворянства – боролись за свое освобождение всеми доступными им средствами. Но люди боролись не за всеобщую свободу, а за сословные права и привилегии, поэтому разные сословия получали эти права в разное время.

Закономерным итогом отмены крепостного права должно было стать формирование в стране рынка вольнонаемной рабочей силы, поскольку это вытекало из самого существа преобразований. В те годы вопрос о сравнительной выгодности принудительного и свободного труда активно обсуждался в печати [19, с. 128]. Видные публицисты выступали за реформу паспортной системы, которая имела прямое отношение к вопросу о свободе перемещения рабочей силы. Н.Х. Бунге предлагал упразднить сословные различия в паспортном уставе и отменить обременительный для крестьян паспортный сбор. Однако он был сторонником «постепенного расширения прав земледельца на личный труд», так как «внезапный переход к свободе труда может расстроить и помещичьи хозяйства, и финансы, и общественный порядок» [4, с. 59–61, 68–69].

Освобождение крестьян неизбежно повлекло за собой отказ от крепостнической податной системы, поскольку ревизские души, на которых она базировалась, уже не могли служить прочным обеспечением. Поэтому введение подоходных принципов налогообложения и слияние различных категорий плательщиков в единое податное сословие являлось одной из самых актуальных задач правительства. «В новых обществах, – писал Н.Х. Бунге, – всякий обязан нести налог, содействовать по мере своих сил и средств поддержанию государственных установлений, которые дают внешнюю и внутреннюю безопасность и обеспечивают пользование выгодами общественной жизни». Но и в этом случае он призывал к осторожности и постепенности, иначе «внезапный финансовый переворот» может нанести огромный ущерб и помещикам, и Государственному казначейству [4, с. 64–65].

Социально-экономические взгляды Бунге совпадали с программными предложениями Кавелина и братьев Милютиных. Вынося на суд читателя свои соображения о предстоящей отмене крепостного права, эти авторы учитывали главную цель либеральной программы – обеспечить развитие двух типов хозяйства (помещичьего и крестьянского) и тем самым гарантировать мирную эволюцию страны в порефор-

менный период. Становлению частного крестьянского землевладения парадоксальным образом должны были способствовать элементы того самого крепостничества, которое уже уходило в прошлое, – община с круговой порукой, временнообязанное состояние крестьян, ограничения на право отчуждения земли и др. Их сохранение носило временный характер, так как, по мнению либералов, новое землеустройство не оставляло им места в будущем аграрном строе России.

Таким образом, крестьянский вопрос оказался связан с другими задачами внутренней политики (преобразованием кредита, налогообложения, паспортного устава и др.). Эти статьи свидетельствуют о подготовленности реформы в либеральных кругах еще до учреждения Редакционных комиссий [11, с. 56–63].

Борьба различных точек зрения отразилась в ходе разработки «Положений» 19 февраля 1861 г. Члены Редакционных комиссий не могли прямо внести в законопроект пункт об обязательном выкупе. Александр II не соглашался на этот шаг, опасаясь недовольства поместного дворянства. Тем большее значение приобретали другие принципиальные вопросы, от решения которых зависел исход реформы.

Либеральное большинство выступало за установление права крестьян на бессрочное пользование наделами, так как это давало определенную гарантию для их освобождения с землей после внесения ими выкупной суммы. Это было одним из основных звеньев либеральной программы реформы [10, с. 162]. Не случайно известный консерватор граф В.Н. Панин, сменивший умершего Я.М. Ростовцева на посту председателя Комиссий, на заседании Общего присутствия в апреле 1860 г. заявил, что бессрочное пользование означает «отнятие собственности у помещиков» и подобная формулировка неизбежно вызовет возражения депутатов дворянских губернских комитетов. Он предложил другой вариант – просто «пользование». Если же до конца временнообязанного периода крестьяне не выкупят наделы, то порядок пользования ими будет определен правительством.

Сознавая, что политическая ситуация в стране может измениться, Панин тем самым оставлял возможность для последующей корректировки «Положений» в пользу землевладельцев.

Милютин, Самарин, Бунге и Черкасский оспорили предложение Панина. «Что бессрочное пользование очень полезно, – утверждал Бунге, – это можно доказать фактами науки. Везде, где не было пользования, там земледелие страдало. Для Англии, например, и для Дании можно представить статистические данные, что в период времени освобождения земледельцев народонаселение от этого почти не увеличивалось». Н.Х. Бунге отрицал факт какого-либо посягательства на собственность помещика, поскольку ему «предоставляется в известных случаях заводить на этих землях разные заведения, право охоты на них, следовательно, ограничение в пользу крестьян состоит только в предоставлении им права бессрочного пользования». Он был среди девятнадцати членов Комиссий, которые спустя несколько дней представили Панину коллективную записку, где продолжали отстаивать свою формулировку. В итоге их точка зрения возобладала [17, с. 20].

С бессрочным пользованием было тесно связано другое важное положение законопроекта – о неизменности крестьянских повинностей. Многие губернские комитеты добивались пересмотра норм оброка через определенный срок, так как помещики боялись понести ущерб от падения курса рубля и стремились сохранить все выгоды, ожидаемые в будущем от возрастания цен на землю. Чтобы нейтрализовать возможные негативные последствия для землевладельцев, члены Комиссий предусмотрели для них в проекте право требовать от бывших крепостных перехода на выкуп. В данном случае крестьяне были обязаны давать согласие. Это имело решающее значение для освобождения их с землей, так как выкуп не устанавливался законодательно как цель реформы, а подразумевался либеральным большинством как ее логическое завершение. В программе Редакционных комиссий неизменность повинностей служила как бы «мостиком» между бессрочностью пользования наделом и переходом на выкуп [10, с. 168–169].

В январе 1860 г. во время обсуждения этого вопроса А.Н. Татаринов предложил для страховки землевладельцев от инфляции поставить сумму оброка в прямую зависимость от колебания цен на зерно, т.е. ввести своего рода «хлебную ренту». Это наносило удар принципу неизменности повинностей и обрекало крестьянские хозяйства на усиление эксплуатации со стороны помещиков. Не случайно инициатива Татаринова встретила резко отрицательные отзывы. «В Англии взыскивается подать с богатых для поддержания неимущих, – с возмущением писал Бунге, – а здесь подать налагается на крестьян, т.е. на бедных в пользу богатых. Крестьянин улучшает землю потом и трудом, роет у себя колодезь и т.п., ценность его земли возвышается, рента с нее возрастает, на каком же основании за эту ренту он должен платить повинность?». По словам Бунге, при такой политике деревню ожидает полное «расстройство» благосостояния, и крестьяне «вступят в батрачество», как в Ирландии [17, с. 567, 569, 573–574].

Этот вопрос был вновь поставлен в Редакционных комиссиях депутатами губернского комитета второго призыва в конце апреля – начале мая 1860 г. В своем выступлении Н.Х. Бунге разъяснил, что «начало неизменности повинности было принято при освобождении крестьян в европейских государствах, а в Лифляндии была допущена переобработка, но с вознаграждением за то крестьян от помещика». Поэтому в случае введения «переобработки» следует «допустить вознаграждение крестьян со стороны помещика за те улучшения, которые ими будут сделаны на их наделах». На самом деле Бунге предпринял тактический ход, поскольку понимал, что дворянство не пойдет ни на какие выплаты крестьянам [17, с. 489]. После долгих прений было принято предложение Н.А. Милютина о периодической переобработке каждые двадцать лет. Расчет лидера Комиссий строился на том, что через два десятилетия большинство крестьян уже выкупят свои наделы, и переобработка утратит всякий смысл [10, с. 211].

В августе 1860 г. в Комиссиях вспыхнул спор о порядке владения крестьянами землей, выкупленной сельским обществом. И.П. Арапетов, К.И. Домонтович, С.М. Жуковский, М.Н. Любошинский и Я.А. Соловьев потребовали выдела участка в частную собственность каждому домохозяину в соответствии с его вкладом в уплату выкупной суммы. Они высказались за поощрение фермерского хозяйства и проектирование законов, способствующих скорейшему распаду общины. Остальные члены Комиссий заняли более осторожную позицию.

Н.А. Милютин постарался смягчить разногласия. Возникшее противоречие в тот момент не имело принципиального значения. Главной задачей было сохранение единства и защита основных положений либеральной программы от натиска консерваторов. Поэтому собравшиеся пришли к компромиссному решению, которое получило законодательное воплощение в 165-й статье «Положения о выкупе» [17, с. 226–229, 287–292, 295–296, 298–299]. Она устанавливала право выдела отдельным домохозяевам участка земли, приобретенной обществом, с согласия сельского схода. Вторая часть статьи допускала такую возможность для крестьянина и без разрешения схода в случае внесения им в уездное казначейство всей причитающейся за его надел суммы выкупа [10, с. 214].

Не согласившись с мнением о предоставлении льготных условий для выдела из общины отдельных участков, на заседании 29 августа 1860 г. Бунге присоединился к предложению И.Г. Арапетова, К.И. Домонтовича, С.М. Жуковского, А.П. Заблоцкого-Десятовского, Н.А. Милютина и Я.А. Соловьева об установлении неотчуждаемости земельного фонда, переданного в «вечное пользование» крестьянства [17, с. 473–477]. Это открывало простор для внутрисословной мобилизации крестьянских земель и в перспективе, по мере завершения выкупной операции, образования прослойки наиболее состоятельных хозяев, владеющих землей на правах частной собственности. Введение принципа неотчуждаемости создавало юридическую основу для сосуществования общинного и частного землевладения, способствовало бы сохранению участков менее удачливых крестьян для других представителей сословия [7, с. 18]. Однако большинство членов Комиссий не поддержало эту инициативу [17, с. 477].

Многие рекомендации Н.Х. Бунге, касающиеся выкупной операции, были учтены в документах Финансовой комиссии – «Предварительных соображениях о выкупе поземельных угодий крестьянами, выходящими из крепостной зависимости» и более позднем докладе. В приложении к докладу приводился обширный материал о крестьянском движении в Лифляндии, Пруссии и Австрии. По мнению членов Комиссии, без выкупа наделов «нельзя рассчитывать на мирное разрешение крестьянского дела» и создание «сильного консервативного элемента в многочисленном земледельческом населении». Они ссылались на аграрные реформы в Пруссии и Австрии, отмечая при этом, что опыт безземельного освобождения крестьян в Англии, Лифляндии и Курляндии неприемлем для России [11, с. 84].

В «Соображениях» и докладе излагались основные принципы выкупной операции: добровольность выкупа, но при том, что его условия определяются правительством (размеры надела, подлежащего выкупу, сумма крестьянского долга и выкупных платежей, способы выплаты компенсации помещикам, выпуск государственных ценных бумаг с твердой гарантией и др.). Только при их соблюдении выкуп действительно становится неизбежным. «Помещики, – говорилось в "Соображениях", – имея в виду, с одной стороны – гарантию правительства, а с другой – невозможность полного распоряжения поземельной собственностью, предоставленной крестьянам в бессрочное пользование на определенных условиях, во многих случаях найдут для себя выгодным отчуждение ее за соответствующее единовременное вознаграждение, которое дает им средства улучшить и упрочить свое собственное хозяйство. Точно так же для крестьян выкуп представит несомненные выгоды, если он не будет сопряжен для них ни с потерей каких-либо выгод, ни с усилением повинностей. Платя одно и то же, они получают возможность сделаться поземельными собственниками и выйти из обязательных отношений» [8, с. 103–104].

Возлагая осуществление выкупа на казенные кредитные учреждения, Комиссия настаивала на поощрении создания в губерниях частных банков с тем, чтобы они включились в выкупную операцию и содействовали «постепенному образованию семейных наследственных участков» [8, с. 151]. Выкупные платежи имели форму не надбавки к прямым налогам, а уплаты по банковскому долгу, но фактически их взимание регулировалось такими правилами, что и населением, и правительством они воспринимались как окладные сборы [11, с. 63].

В Финансовой комиссии рассматривалась возможность отчуждения государственных имуществ с целью поддержания ценности выкупных облигаций на денежном рынке. В 1859 – первой половине 1860-х гг. этот вопрос дебатировался в печати в связи с поиском новых финансовых ресурсов и стремлением поместного дворянства накануне отмены крепостного права получить компенсацию за утрату прежних привилегий. Идея распродажи государственных имуществ, выдвинутая еще А. Смитом, широко пропагандировалась в европейской экономической литературе. «Русский вестник» доказывал необходимость перехода от нерентабельного казенного хозяйства к частновладельческому [8, с. 104].

В записке «О предметах занятий Финансовой комиссии», составленной в июне 1859 г., рекомендовалось продать те государственные имущества, которые не приносили казне ощутимых доходов и лишь напрасно обременяли бюджет. Речь шла о Николаевской железной дороге, казенных зданиях, фабриках, заводах, рудниках, землях и лесах. Предполагалось разрешить покупку этих имуществ главным образом выкупными облигациями по номинальной цене. «Выгоды Казначейства, – писали составители записки, – заключались бы в процентах с облигаций, которые доставляли бы превышение в доходе казны, а, в случае погашения приобретенных казной облигаций, капитал их с такой же выгодой мог бы употреблен быть или на покупку вновь облигаций, или же на погашение других долгов» [15, с. 45].

Одновременно та же задача была поставлена Банковской комиссией, в которую входили многие члены Финансовой комиссии [14, с. 40]. В июле Александр II утвердил решение Комитета финансов о предоставлении всеми ведомствами сведений о малопродуктивных казенных имуществях. Осенью дело было передано в Департамент

государственной экономии Госсовета. Но никаких практических результатов так и не последовало. Спустя год вопрос был снят с обсуждения. Министерство государственных имуществ, в ведении которого находилась основная часть предполагаемых объектов продажи, не сумело собрать и систематизировать необходимую информацию. По-видимому, руководство Министерства опасалось неосмотрительного разбазаривания государственного фонда в обстановке всеобщего увлечения идеями экономического либерализма [6, с. 45].

Н.Х. Бунге считал, что правительство недооценило значение этой меры. «Незначительный доход, доставляемый государственными имуществами, и несомненный факт, что производительность их возрастает по мере того, как пользование ими приближается к праву полной собственности, – писал он в лекционных курсах 1863–1864 гг., – говорят в пользу их отчуждения, конечно, не внезапного, одновременного, а постепенного и сообразно с обстоятельствами». Бунге ссылаясь на Пруссию, которая в 1820-х гг. успешно провела подобную операцию с целью погашения государственного долга [13, с. 155, 158].

П.Л. Кованько, имея в виду «Положение о выкупе», писал, что «закон 19 февраля усвоил себе почти все, о чем говорил в данном случае Н. Бунге» [11, с. 62]. Но следует учесть, что проект выкупной операции разрабатывался в обстановке послевоенных экономических трудностей и банковского кризиса. Это заставляло реформаторов существенно корректировать свои первоначальные замыслы.

Правительство не смогло оказать финансовую помощь крестьянам в приобретении земли по примеру Пруссии и Австрии, выступив лишь в качестве посредника между двумя сословиями. Выкупная операция представляла собой чисто кредитную сделку, рассчитанную на 49-летний срок, в течение которого все расходы должны были покрываться за счет крестьянских платежей. Это на многие годы обременило крестьян высокими процентами на их выкупные долги, значительно увеличившими ежегодные выплаты [18, с. 91, 98, 99].

Тяжелые финансовые условия, навязанные крестьянам, были еще более ужесточены в ходе обсуждения проектов Редакционных комиссий в Главном комитете по крестьянскому делу и Государственном совете. По требованию консервативной оппозиции последовало значительное уменьшение наделов и увеличение повинностей. Тем самым крестьянство было обречено на долгую и мучительную эволюцию в процессе нового землеустройства [10, с. 221–229].

Один из творцов реформы, Н.Х. Бунге вряд ли мог предполагать, что именно ему спустя двадцать лет будет суждено довести до конца дело Редакционных комиссий и завершить перевод бывших помещичьих крестьян на обязательный выкуп. Отмена крепостного права в последующие годы не ослабила его интереса к крестьянскому вопросу.

Список литературы

1. Бунге Н. Х. Полицейское право / Н. Х. Бунге. – Киев, 1869.
2. Бунге Н. Х. О месте, занимаемом политической экономией / Н. Х. Бунге // Журнал для акционеров. – 1858. – № 29.
3. Бунге Н. Х. Гармония хозяйственных отношений / Н. Х. Бунге. – Киев, 1869.
4. Бунге Н. Х. Об изменении юридических отношений / Н. Х. Бунге. – СПб., 1889.
5. Государственный архив РФ (ГАРФ). – Ф. 728. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 2479.
6. Долбилов М. Д. Крестьянская поземельная собственность в политических замыслах реформаторов 1861 г. / М. Д. Долбилов // Россия и реформы : сб. ст. – М., 1995. – Вып. 3.
7. Долбилов М. Д. Подготовка отмены крепостного права в редакционных комиссиях 1859–1860 гг. Проблема субъекта реформы / М. Д. Долбилов. – Воронеж, 1996.
8. Дружини Н. М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. / Н. М. Дружини. – М., 1978.
9. Захарова Л. Г. Россия на переломе. (Самодержавие и реформы 1861–1864 гг.) / Л. Г. Захарова // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. – М., 1991.
10. Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861 гг. / Л. Г. Захарова. – М., 1984.

11. Кованько П. Л. Реформа 19 февраля 1861 г. и ее последствия с финансовой точки зрения (Выкупная операция: 1861–1907 гг.) / П. Л. Кованько. – Киев, 1914.
12. Манифест об окончании Крымской войны // Полное собрание законов. Собрание второе. – Т. XXXI, 1856. – № 30273.
13. Отдел рукописей (ОР) РГБ. – Ф. 550. – Д. 235.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 940. – Оп. 1. – Д. 14.
15. РГИА. – Ф. 940. – Оп. 1. – Д. 18.
16. РГИА. – Ф. 1284. – Оп. 66. – 1857. – Д. 11а.
17. Семенов П. Л. Мемуары / П. Л. Семенов. – СПб., 1904. – Т. 3.
18. Хок С. Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России, 1857–1861 / С. Хок // Великие реформы в России, 1856–1874. – М., 1992.
19. Цаголов Н. А. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права / Н. А. Цаголов. – М., 1956.

ДОРОГА ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ: О ЗНАЧЕНИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ АСТРАХАНЬ – КИЗЛЯР

**В.Б. Убушаев
(Россия, Элиста)**

В статье рассматриваются вопросы острой необходимости строительства железной дороги Астрахань – Кизляр перед предстоящей Сталинградской битвой.

The article is devoted to the railway building Astrakhan – Kizlar. The author writes that to build this railway was very important, especially before Stalingrad battle.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, Сталинградская битва, Великая Отечественная война.

Key words: rail transport, battle of Stalingrad, Great Patriotic War.

Являясь важным экономическим районом, накануне войны Кавказ представлял собой крупную топливно-энергетическую базу. На долю Северного Кавказа и Закавказья приходилось 86,5 % общесоюзной добычи нефти, 65 % природного газа, 56,5 % марганцевой руды. Бакинский район давал почти три четверти всей нефти, добываемой в СССР. Кроме того, Кавказ являлся богатейшим сельскохозяйственным краем [1, с. 82].

В довоенный период через Кавказ и порты на Черном и Каспийском морях осуществлялся значительный внешнеторговый грузооборот СССР. В годы войны торговые пути, идущие через Персидский залив, Иран, Каспийское море, занимали второе место после Северного морского пути в подвозе вооружения, стратегического сырья из США и Британской империи. Это обстоятельство, как свидетельствуют источники, было оценено А. Розенбергом.

К лету 1942 г. с потерей Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей экономическая база Советского Союза резко сузилась: выплавка стали сократилась более чем на 10 млн т в год, сбор зерновых – более чем в 3 раза; уменьшились мобилизационные ресурсы в связи с оккупацией врагом части советской территории. В создавшихся условиях оборона Кавказа приобрела для Советского государства жизненно важное значение. Однако неблагоприятное для советских войск соотношение сил усугублялось здесь трудностями материально-технического обеспечения военных соединений, действовавших на кавказском направлении.

Тыловые части и учреждения Южного фронта при отходе из Донбасса и переправе через Дон понесли большие потери в автотранспорте. Осложнилось снабжение войск из тыла страны. Железнодорожные пути, связывающие Кавказ с центром страны, были перерезаны противником. По железнодорожным коммуникациям Сталинградского направления осуществлялся подвоз резервов в районы Сталинграда и эвакуация материальных ценностей с Северного Кавказа. Порты на Каспийском море не были приспособлены для погрузки и разгрузки военной техники [5, с. 203].